НАСТАВНИК МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТ (СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ПРАКТИКА)*

YOUTH INSTRUCTOR: MODERN PORTRAIT (SOCIAL PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND PRACTICE)

ПОЛЕЖАЕВ Дмитрий Владимирович
Волгоградская государственная академия
последипломного образования,
Волгоград, Россия
E-mail: polezh@mail.ru

Аннотация. В работе представляется социальный портрет наставника, рассматривается феномен наставничества в индивидуально-личностном и социально-государственном измерении. Через призму субъектного подхода разворачиваются смысловые и содержательные аспекты наставничества. Выделяются его ментальные основания и особенности понимания в историческом протяжении, в том числе через призму отечественной философской традиции. Отмечаются трудности развития движения наставничества в пространстве современной информационной цивилизации.

Ключевые слова: наставник молодежи, личность, патриотизм, менталитет, социальная философия.

POLEZHAYEV Dmitry V.
Volgograd State Academy
of Postgraduate Education,
Volgograd, Russia
E-mail: polezh@mail.ru

Abstract. The paper presents a social portrait of a mentor, examines the phenomenon of mentoring in the individual-personal and social-state dimension. Through the prism of the subject approach, the semantic and substantive aspects of mentoring are developed. Its mental foundations and peculiarities of understanding in historical length, including through the prism of the national philosophical tradition, are highlighted. The difficulties of the development of the mentoring movement in the space of the modern informational civilization are noted.

Keywords: youth mentor, personality, patriotism, mentality, social philosophy.

© Полежаев Д. В., 2019

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Президентских грантов, проект «Эмоциональный интеллект и социальные навыки современного наставника в условиях сельского муниципального образования: оценка, помощь в развитии, поддержка профессиональных компетенций» (№ 18-2-004556).

Феномен наставничества не является для российского общества и культуры чем-то абсолютно новым как в содержательно-смысловом отношении, так и с точки зрения формы его осуществления в наличном социальном пространстве. Это тем более очевидно, что современное российское общество является своего рода «ментальным наследником» советского исторического прошлого, в котором взаимоотношения «государство – общество», «общество – личность», «личность – личность», «личность – государство» и тому подобное достаточно часто ограничивались установлением сверхопеки одного социального субъекта над другим, выступая с позиции тотального контролера, направленно формирующего в виде автоматизмов деятельности не только поведенческие модели, но и внутренние глубинно-психологические ориентации (Полежаев 2018).

Тоталитарное в отечественном общественно-историческом сознании представляется не до конца еще изжитым, о чем важно помнить при определении направленности социального взаимодействия, в том числе и на межличностном уровне. Это особенно важно для установления доверительных контактов в отношениях наставника и наставляемого или опекаемого, поскольку в этой социально-индивидуальной оппозиции последний выступает, по преимуществу, как ведомый, как объект социальных отношений. А отношения субъектов взаимодействия приобретают преимущественно профессиональную, во всяком случае образовательно-воспитательную и тому подобное смысловую окраску.

Философско-методологическое осмысление феномена наставничества как социального явления, востребованного в настоящее время как на государственном, так и на индивидуально-личностном уровне, предполагает поиск ответа на вопрос о существенных его основаниях, то есть собственно о том, что есть наставник. Социальная детерминация рассматриваемого понятия и категории – важный аспект вопроса, позволяющий вычленив наиболее существенные основания и характеристики феномена, выделить научное, собственно значимое ядро феномена наставничества, избавившись в каком-то смысле от его обыденных, повседневных и даже примитивных толкований.

Как недавно на научно-практической конференции в Волгограде «Наставничество как ресурс патриотического воспитания молодежи: готовность к реализации национального проекта «Образование» (19 апреля 2019 г.) высказалась о термине «наставничество» М. М. Рохлина (участник Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы, последний (!!!) живущий ныне ветеран 95-й Гвардейской стрелковой дивизии, героически сражавшейся в районе Сталинградского Тракторного завода): «Надо еще понять, чему наставляет этот наставник, можно ли ему доверять? Можно ведь и рога наставлять...». И в этом восклицании забота пожилого, но продолжающего болеть за будущее нашей страны человека о нравственном измерении работы наставника – учителя, педагога, воспитателя, куратора, консультанта, контролера, руководителя, ведущего, авторитета. Сколько значений у этого термина и феномена!

И в этом заявлении Марии Михайловны, кстати, не только запрос о личности наставника, но, главное, один из так называемых «вечных проклятых

философских» вопросов – вопрос о смысле: для чего нужен наставник; кому его деятельность на пользу; какие ресурсы он имеет и обретает; какие цели ставит перед собой и учеником; каким образом способен обрести искомое. Методология проблемы актуализируется не только в научном пространстве, но и с точки зрения ее практической значимости и повседневного применения.

Из истории развития движения наставничества мы помним, что первоначальной его задачей, еще со времен Средневековья, была помощь мастера ученику в освоении основ и секретов ремесла, которое станет для него в дальнейшем источником пропитания, «хлебом насущным». Профессиональный аспект с развитием идеи наставничества в ее практическом воплощении не уходит из нее, хотя в настоящее время он и не выводится на первый план.

Понятно, что профессиональный ориентир самоопределения – в плане образца или образа социальной направленности деятельности – не выходит из содержательно-смыслового пространства того, что мы фиксируем в термине «наставничество» как в индивидуально-личностном, так и социальном или государственном аспектах.

Сопровождение молодого специалиста в его профессиональном становлении через наставничество важно. И это было одной из основных задач советской системы образования и воспитания, которая решала (преимущественно в 1930-е и в послевоенные годы) проблему политехнизма и общетехнической грамотности населения страны в целом. Для этого времени, как, впрочем, и для некоторых других исторических периодов, справедливо говорить о наставническом движении как государственной задаче идеологического плана.

В такой постановке проблемы и сегодня есть свой смысл – привлекать активных, заинтересованных в самореализации участников к осуществлению конкретных научно-технических, образовательных и социально-политических проектов, существенных и в индивидуально-личностном отношении. Исследователи отмечают в качестве одной из современных социальных проблем поиск людей для выполнения роли наставника. Это важно, например, для сельской местности, где социальный портрет наставника во многом выходит за рамки наших привычных повседневных представлений (Дулина 2019). Самые разные в плане социального статуса, образования, возраста и других характеристик участники наставнического движения выполняют важнейшие государственные и социальные задачи. И мы понимаем, как много зависит от личностных качеств человека, готового и способного возложить на себя не только звание, но и обязанности наставника.

Итак, наставник – это звание или это должность? Можно ли назначить наставником или это внутренняя потребность самореализации учителя, совпадающая с потребностями ученика в обучении, наставлении и корректировке действий (и мыслей), поправках, исправлениях и направлениях? Совпадение ценностно-смысловых и содержательных векторов межличностного взаимодействия выступает необходимым условием осуществления феномена наставничества как социально значимого акта и как системы действий субъектов.

Чаще всего наставничество воспринимается как опека старших (по возрасту, должности или опыту) над младшими. В таком понимании проявляются два основных смыслодержательных аспекта. Первый связан с утверждением (или ощущением) о востребованности наставника современными молодыми людьми. Самодостаточность молодежной культуры (феномен, известный во все времена, по утверждению А. Ф. Лосева (1988)), подкрепленная сегодня «консалтинговыми ориентирами» мировой интернет-паутины, заставляет нас усомниться в положительном ответе на данный вопрос. Простые решения сложных проблем, предлагаемые недобросовестными советчиками, могут быть более востребованными теми из современных молодых людей и девушек, кто ограничен в собственных духовных установках и ориентирах, не испытывает собственной внутренней потребности в познании окружающего мира.

Люди этой категории являются носителями таких понятий (и соответствующих им социально-индивидуальных феноменов), как «клиповое мышление», «файловое сознание», «разорванная идентичность», то есть находится в неосознаваемом состоянии неопределенности, неравновесия, выбора. Это то, что всегда было в определенной степени характерно для молодых людей и нуждалось в определенной опоре. И такой опорой справедливо выступало наставничество в любом его виде и проявлении: в образовании или производительном труде, в искусстве, литературе и прочее.

*Юноше, обдумывающему житье,
Решающему, делать жизнь с кого,
Скажу, не задумываясь – делай ее
С товарища Дзержинского.*

Так В. В. Маяковский в своей поэме «Хорошо» несколько шутливо дает совет молодому человеку, стоящему перед выбором профессии, образа жизни, нравственных и политических ориентиров. Образ «Значимого Другого», известный в психологии и педагогической науке, транслируется иногда и таким образом – через художественные произведения, через «язык плаката», замененными сегодня телевидением и электронными СМИ. По В. Маяковскому, наставник – это ориентир, маяк. Или... указатель к ориентиру, сам по себе не претендующий на образец. «Перила моста»...

Второй смысловой парадокс наставничества связан, на взгляд автора, с тем, что вовсе не возраст и опыт (связанный с длительным временем освоения того или иного системного действия, деятельности, поведения) являются сущностной характеристикой личности наставника. Молодые люди сегодня вполне могут выступать в роли наставников для старших и даже пожилых людей: это актуально, например, с точки зрения развития информационно-коммуникационной культуры, цифровой экономики и цивилизации в целом.

Это наставничество со стороны молодых востребовано и с точки зрения современных средств общения и вопросов пользования техническими приборами коммуникации – гаджетами, и с точки зрения моделирования виртуальной реальности, обработки фотографий и других исторических документов (с точки зрения их сохранения) и многого другого, что для сознания

современного человека может быть еще не значимо, но вскоре, по всей видимости, станет настоящей необходимостью. «Завтра горожан старшего поколения познакомят с профессией блогера, – сообщает «Вечерняя Москва». – На мастер-классе гости смогут изучить возможности социальных сетей для поиска друзей, узнают, как продвигать собственные проекты» (2019).

В этот же комплект наставничества входит предостережение пожилых людей от опасностей, которые несет в себе информационная цивилизация. И поскольку эта опасность с течением времени только нарастает, а проблема не уходит на второй план, актуальность такого рода межпоколенческого взаимодействия не снижается. Здесь видится важным установление доверительных, обоюдоуважительных разнотерационных отношений в освоении новых социальных ролей субъектами и преодоление возможных социально-культурных, цивилизационных и иных барьеров.

Таким образом, геронтологический контекст измерения феномена наставничества видится не вполне однозначным и убедительным. Духовный, социальный или профессиональный опыт может вовсе не иметь исчисления в возрасте, а быть исключительно личностной компетентностной характеристикой индивида.

Эти и подобные им отдельно взятые аспекты проблемы обращают наше внимание к тому, что же в действительности является феномен наставничества, взятый как в конкретно-историческом протяжении, так и в наиболее обобщенном виде – в его глубинных смыслодержательных характеристиках.

Социально-философские измерения наставничества не может не быть помещено в позицию соотношения и измерения «сущего» и «должного». Каков идеальный образ наставника и как он соотносится с тем, что мы имеем сегодня? Как исправить, откорректировать те или иные смысловые или предметно-деятельностные провалы современной наставнической работы? Каким образом учитывать в практике изменения в контекстной ситуации – культуры, политики, образования и др.

Философские категории (или «экстремы») «идеального» и «реального» также в приложении к феномену наставничества выступают как вполне убедительные измерители. Каковы наиболее существенные характеристики наставника, без которых он не может существовать? И что представляет из себя тот, на кого наставник обращает свое формирующее воздействие? Каковы возможные позиции этих двух основных акторов взаимодействия – субъект-объектные, субъект-субъектные, объект-субъектные?.. (Полежаев 2018: 35–42). Эти и другие вопросы в осмыслении феномена наставничества остаются открытыми. Здесь выступает в качестве актуального вопрос об индивидуально-личностной, а также социально-групповой и даже цивилизационной идентичности (Полежаев 2017).

В этом контексте измерения наставничества (не только в производственном, но и в нравственно-психологическом и даже идеологическом смысле), ярко представленного в художественном произведении, можно вспомнить героя Ролана Быкова Петрыкина из фильма «Большая перемена», берущего шефство над молодым рабочим Геней Ляпишевым, которого сыграл еще

один замечательный советский артист Виктор Проскурин. Это – классический идеальный образ наставника, жертвующего собственными интересами во имя успехов подопечного, это – ориентир, предназначенный для сопряжения зрителем своих собственных внутренних смысложизненных установок и моделей поведения с предлагаемыми в фильме установками и моделями. Направленная реклама или пропаганда? Может быть. Но качественно построенная, созданная на высоких морально-нравственных ориентирах – это уже выбор между существованием в достатке и комфорте и превосходным осуществлением наставнических задумок на практике.

Работа киноиндустрии, телевидения и других СМИ показывает значимость для государства развитие наставнического движения и в современном российском обществе; и сегодня нужны положительные и привлекательные примеры, нужна поддержка не только материальная, но и имиджевая, нужны правовые механизмы регулирования наставничества как общественно-полезной деятельности, существенной в профессиональном, социальном, духовно-нравственном и иных ментальных измерениях современного российского общества.

Идея наставничества важна и с позиции традиционных ценностей русской цивилизации, измеряемой тысячелетиями и имеющей современное воплощение. Философское измерение ее представляется немаловажным для современного российского самосознания. И рассматривая вечные темы русской философии – ориентиры философских раздумий, обобщений и решений – лучшие представители современной молодежи предлагают свои собственные, иногда весьма неординарные варианты понимания. Это может быть объяснено с позиции ментальных трансформаций, неизбежных с точки зрения общего исторического процесса и весьма заметных сегодня в условиях цифрового общества.

Так называемые проклятые вечные философские вопросы (и вечные ответы) русского общественного сознания и русского мира – о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о целях и средствах, о форме и содержании явлений и др. – выступают в качестве неисчерпаемого потенциала мирового интеллектуального, в том числе социально-философского, наследия. Думается, одной из вечных тем человеческой цивилизации, в том числе и русской цивилизации, выступает тема учительства, наставничества и тому подобного, связанных с ведением человека по некоторому неизвестному для него пути.

Проводник или сопровождающий – это не вполне наставник, хотя эти понятия и видятся отчасти рядоположенными. Понятно, что наставничество впитывает в себя учительскую, воспитательную и иные другие функции и роли, привычные в повседневной жизни, но взятые в профессиональном аспекте. Весьма интересным в контексте данной темы видится один из афоризмов Ф. Ницше, где он размышляет именно над ролью и фигурой Наставника или Учителя.

«Я – перила моста на стремительном потоке, – пишет немецкий философ, – держитесь за меня, кто может за меня держаться. Но вашим костылем не служу я» (Ницше, 1998: 323). Трактовок и пониманий этой мысли может быть много, что зависит, например, от исследовательской позиции

автора, сферы его интересов, жизненного и ученого опыта и другого, тем не менее наиболее убедительным видится здесь понимание «перил моста» именно как Учителя. Мост – это может быть пространство обучения или жизненный опыт, это – путь некоего перехода под контролем педагога-наставника. Но перила нельзя взять с собой, они останутся позади, там, где они были жизненно или профессионально необходимы идущему через пропасть и где они будут вновь помогать идущим следом. Думается, понимание феномена наставничества как опоры, которая помогает лишь тем, кто в ней нуждается, вполне совпадает с рассуждениями немецкого философа. И это лишний раз подтверждает мысль о всеобщности рассматриваемого нами явления.

Современное возрождение наставничества как идеи социальной направленности деятельности (Полежаев 2011) с точки зрения философско-исторической эпистемологии означает – в контексте взаимоотношения человека и общества – восстановление утраченного, возврат ранее упущенных позиций и ожиданий взаимодействия авторитета и того, кто воспринимает этот авторитет в качестве значимого для собственного самопознания и самоопределения.

Немаловажными видятся и методологические аспекты осмысления феномена наставничества. Во-первых, это поиск сущностных оснований понимания явления наставничества, его предметного изучения с точки зрения возможности освоения разновозрастными субъектами. А во-вторых, это – поиск пути реализации наставничества как социального феномена. Надо понять, что такое *путь*. Путь – это механизм; вектор; ресурс или все вместе? Думается, что это комплексное понятие, причем тесно увязанное с вопросом о целеполагании.

Построение пути наставника – процесс индивидуальный, но поскольку он имеет мощное социальное звучание, никуда не уйти от необходимости социальной детерминации феномена в истории и в пространстве наличной культуры. Таким образом, методологически важным видится измерение наставничества в трех ипостасях, две из которых (наставник – наставляемый) лежат в одном содержательном уровне пространства – индивидуально-личностном, а третья (общество и государство) – в другом. Взаимодействие данных ипостасей можно рассматривать как неслиянное единство, направленное на получение общего итогового продукта – личности наставляемого человека.

Впрочем, вопрос, каждодневно задаваемый по поводу феномена наставничества современной информационной цивилизацией обществу и человеку, звучит весьма актуально: «А нуждается ли современная молодежь, поколение гаджетов, агрессивного TV и вездесущего Интернета в наставниках?» Точнее – кто в действительности является наставником школьников, подростков, молодежи и даже взрослых людей с неустойчивой системой ментальных установок, кто выступает советчиком, помощником, тем, кто всегда рядом? Никакой жизни и никаких сил не хватит сегодня обычному индивиду, чтобы соперничать с глобальной, электронно-информационной цивилизацией в рамках наличной культуры; он всегда станется в проигрыше. Поэто-

му наставник должен брать другим. Здесь на первый план вновь выходят личностно-профессиональные свойства и качества индивида.

Впрочем, почему наставником признается исключительно человек? На взгляд автора, это не вполне верно с точки философских категорий «необходимого» и «достаточного». Например, в качестве наставника может восприниматься университет (или иное образовательное учреждение), как социальный институт, способствующий в той или иной степени профессиональному, социальному и духовному возрастанию индивида. Наставником может стать и та или иная социальная ситуация, «испытательные рубежи» в контексте наличной социальной действительности. Или личность наставника на первом плане? Думается, эта сторона вопроса нуждается в осмыслении.

В таком ключе методологически важным видится измерение проблемы наставничества через призму субъектного подхода, применявшегося нами ранее в контексте образовательной парадигмы выработки социальной направленности деятельности индивида, социальной группы и общества в целом. Однако субъектный подход имеет право на функционирование и в пространствах иных планов действия и социально-индивидуального самоопределения в целом.

Сущностные основания субъектного подхода лежат в пространстве поиска и научного определения наиболее заинтересованных и потому ответственных участников процесса личностного становления индивида. Если в пространстве образования позиции субъектов, как отмечалось ранее (Полежаев 2018: 35-42), могут быть достаточно точно определены, то с точки зрения социальной ответственности они выглядят не вполне однозначно.

Исходя из того, что источников (субъектов) воздействия, влияния на человека достаточно много (общество, государство, нация, политика, культура, образование, семья и др.), возможно утверждать, что основным фактором является личный выбор молодого человека. Многое зависит от того, какие именно ментальные установки он воспринимает как свои собственные, принимая их и культивируя в ходе личностного становления. Весьма важной здесь является собственная ответственная позиция человека, его активность в осуществлении своих жизненных планов. Немаловажен и социальный акцент этой активности, поэтому следует говорить не только о различиях в подходах к осмыслению феномена человека в современном отечественном социально-гуманитарном знании, но и о разном видении личности, индивида, человека в зависимости от мировоззренческой, философской позиции.

Ю. М. Резник в свое время предложил выделять три основные теоретические модели (или образы) человека в истории философской и социальной мысли: «человек как исторический субъект, творец истории, имеющий миссию и преследующий свои цели и интересы (субстанциалистская философия); человек как случайностное существо, заброшенное в мир и затерявшееся в нем, выпавшее из потока истории и потерявшее свои жизненные ориентиры, хотя и стремящееся обрести желаемую свободу (экзистенциализм); человек как «божественное существо», стремящееся к Абсолюту, который может ему указать на правильность избранного пути (трансценден-

тизм)» (2010: 7). О каком человеке идет речь в контексте проблемы воспитания, в том числе с позиции наставничества как социально-государственного феномена? Очевидно, что все три имеют право на существование, точнее, осуществление. Впрочем, слить воедино все три версии понимания человека еще не удалось. Поэтому мы допускаем вероятность новых, специализированных или углубленных, подходов в осмыслении человека, социальной (этнической, профессиональной и т. п.) группы и общества в целом.

В рамках субъектного подхода предлагается учитывать все факторы становления человека вообще, что видится нам вполне убедительным, поскольку многофакторность становления субъектности не позволяет отводить преимущественную роль какому-либо одному из них (это было бы неверным и безответственным в исследовательском отношении). Кроме того, видоизменение нашего общего отношения к образованию должно отразиться: 1) на личности как субъекте образовательного процесса, 2) на ближайшем социальном окружении индивида (прежде всего – семье), 3) на образовательном учреждении или пространстве профессиональной деятельности индивида, 4) на государственной политике и отношении общества как активных участников и заинтересованных субъектов личностного становления индивида (Полежаев 2018: 35–42). И, конечно, каждый конкретный случай реализации наставничества как социально-государственного явления должен сопровождаться контекстуальным определением наставничества, в том числе с позиции соотношения задаваемых целей и имеющихся или выделяемых средств.

Следует подчеркнуть еще раз, что возрастной опыт наставничества не является исключительным основанием его социального самоопределения. Но если рассматривать его не как индивидуально-личностный опыт, а *опыт поколений*, как момент трансляции социально-индивидуальных ценностей, интересов, ориентиров и ментальных установок в истории, то значимость его проявляется вполне выпукло и убедительно – с точки зрения развития и перехода исторического самосознания с фиксированием наиболее важных страниц памяти народа, общества, страны, города, семьи. А трансляция исторического опыта, сохранение исторической памяти – это важнейшая задача сообщества, позволяющая сохранить национально-цивилизационное единство в определенном историческом протяжении.

Трансляция исторической памяти как межгенерационный процесс может рассматриваться как процесс обоюдный, то есть связанный с обменом социальной информацией, в определенном смысле задающей вектор социальной направленности деятельности индивида и сообщества. Данный аспект осмысления феномена наставничества имеет, на взгляд автора, вполне определенное ментальное измерение, а потому нуждается в развернутом социально-философском исследовании.

Вместе с тем историософский аспект наставничества связан с тем, что историческая память достаточно трудно фиксируется на временных отрезках, превышающих возраст нескольких поколений людей (около пятидесяти лет). А передача ценностей и смыслов истории народа, связанных с событиями, отстоящими от современности на сотни и тысячи лет, видится во-

обще сверхзатруднительной. Об этом в свое время вполне обстоятельно говорил один из родоначальников немецкой классической философии Г. В. Ф. Гегель (1968).

Такого рода понимание уже относительно недалеко от нас отстоящей истории Великой Отечественной войны, ее событий и переживаний (пока живо еще немало носителей подлинной исторической памяти о ней) рассматривается сегодня исторической наукой через призму повседневности, которая в каждый конкретный исторический период раскрывается и фиксируется определенным и относительно оригинальным образом (Чубарьян 2014). Это понимание важно, когда мы говорим о наставничестве как «диалоге поколений».

Понятно, что всякое социально-индивидуальное и иное взаимодействие выстраивается в своеобразной пространственно-временной матрице, заданной исторической эпохой, государственной идеологией, образом жизни индивида и сообщества. Поэтому в каждом новом ментальном измерении истории прежний (ранее актуализированный) феномен часто представляется в новом свете, с соответствующей сменой смыслодержательных установок менталитета общества / ментальности личности. И эта новая картина мира может не только не совпадать с прежней, но и выступать в качестве своего рода ценностно-смысловой оппозиции.

В этом и проявляется сложность совмещения истории современности с историческим прошлым, бывшим, которое сегодня с развитием цифровых, информационных, виртуальных, интернет- и иных технологий становится отчасти и *воображаемым*. Было ли оно – то прошлое, которое в идеальных образах конструируют учителя и наставники, или это есть лишь миф «образа идеального», которое к современной или прошлой исторической действительности имеют лишь весьма отдаленное отношение? Каждый наш современник, вне зависимости от возраста и опыта, делает для себя тот или иной вывод. Возможно, наставник способен подсказать человеку верные векторы самопознания.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Бабушка попала в сеть // Вечерняя Москва. – 2019. – 27 февраля. – № 20 (806). – Режим доступа: vm.ru
2. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – Т. I. – 312 с.
3. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б. С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.
4. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с. (Сер. «Биб-ка студента. История»).
5. Дулина, Н. В. Штрихи к социальному портрету наставника сельской местности / Н. В. Дулина // *Primo aspectu*; ВолгГТУ. – Волгоград, 2019. – № 2 (38). – С. 7–14.
6. Лосев, А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с. (Сер. «Личность. Мораль. Воспитание»).
7. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла: соч. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. – 1056 с. (Сер. «Антология мысли»).
8. Полежаев, Д. В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография / Д. В. Полежаев. – М.: Планета, 2018. – 208 с.

9. Полежаев, Д. В. Профессиональная ментальность учителя: социально-философский аспект / Д. В. Полежаев // Дополнительное профессиональное образование на современном этапе: компетенции, технологии, пути модернизации: матер. обл. науч.-практ. конф. (14 мая 2003 г.). – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2003. – С. 20–25.

10. Полежаев, Д. В. Субъектный подход в измерении качества образования: философско-методологические основы / Д. В. Полежаев // Primo aspektu ; ВолгГТУ. – 2018. – № 3 (35). – С. 35–42.

11. Полежаев, Д. В. Трудовая установка русского менталитета: опыт социально-философского осмысления / Д. В. Полежаев // Философия хозяйства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – № 1. – С. 171–179.

12. Полежаев, Д. В. Философские основания национальной идентичности / Д. В. Полежаев // Сибирский учитель. – Новосибирск, 2017. – № 2 (111) март-апрель. – С. 60–67.

13. Резник, Ю. М. Образы человека как основания для постижения его идентичности (введение) / Ю. М. Резник // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 7–17.

14. Чубарьян, А. О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с. (Сер. «Образы истории»).